

Катерина Файн

Попробуй упасть медленно
пьеса в двух действиях

Санкт-Петербург, 2014

Действующие лица:

ДМИТРИЙ ТЕЛЬЦОВ – известный писатель, журналист, телеведущий, оппозиционер, живет в Москве

ДАНА – школьная лаборантка

Первое действие

Школа в провинциальном городке. Кабинет химии. На окнах занавески с формулами, у стены шкаф для хранения реактивов, передвижная доска. Посредине парты, на которых стоят пробирки и колбы разных размеров. На учительском столе, расположенном чуть выше, на кафедре, мы видим компьютер, лабораторный штатив, песочные часы, учебник по химии и несколько тетрадей. На стене большой плоский монитор – в неактивном состоянии он показывает таблицу Менделеева. Этот же монитор принимает ТВ-сигнал. Одна из кулис (допустим, правая) – лаборантская. Оттуда выходит Дана. На ней джинсы, халат, резиновые перчатки. Звучит музыка. Дана собирает пробирки и колбы в таз, уносит в лаборантскую. Возвращается с подносом, на котором стоят тарелки с бутербродами. Из ящика стола извлекает вино и пластиковые стаканчики, расставляет. Уходит в лаборантскую. Из левой кулисы появляется Дмитрий. На нем дорогой костюм, на плече сумка, в руках цветы и куртка. Оглядывается, прохаживается по рядам, затем поднимается на кафедру, вынимает из сумки красную папку ведущего. Музыка меняется, но по-прежнему звучит фоном.

Д м и т р и й (изображая волнение, как бы репетируя, входя в свой привычный образ телеведущего). Ми-мэ-ма-мо-му-мы. На мели мы налима лениво ловили, и меняли налима вы мне на линия. О любви не меня ли вы мило молили, и в туманы лимана манили меня? Ми-мэ-ма... (пауза). Добрый вечер, дорогие друзья! С вами Дмитрий Тельцов и наша еженедельная передача «Социальная сеть». Сегодня вы узнаете: сколько российских граждан погибло во время крушения круизного лайнера «Коста Конкордия»... Что случилось с бен Ладеном: все версии ликвидации «террориста номер один»... Триумфальный арест: каким способом задержан лидер партии «Другая Россия» Эдуард Лимонов... Правда ли, что хоккеист Варламов бил свою девушку велосипедом и топил ее в луже... Не переключайтесь! (спохватившись). Стоп! Это же другой текст! (роется в сумке, находит нужные бумаги). Все сначала! (пауза). Друзья мои, я прошу прощения! Небольшая накладка. Сегодня на повестке дня иная тема – лирическая. Встреча одноклассников. А это значит, что никакой политики, никаких происшествий, никакой светской хроники. Итак, мы начинаем! (достает колокольчик, звонит, говорит почти искренне). Дорогие мои! Сегодня особенный день: двадцать пять лет назад мы закончили школу. С тех пор многое изменилось – прошла целая жизнь... Мы отучились в институтах, работаем, воспитываем своих детей... Мы живем в мире, где ход времени давно перешел на бег, и, в общем-то, редко вспоминаем те счастливые, беззаботные мгновения, когда мы сидели за этими партами. Когда каждый день

мы получали знания и делали маленькие открытия, становясь взрослее, глубже с каждой прочитанной книгой... Так давайте же и сегодня, спустя двадцать пять лет, попытаемся сделать эти открытия. И для начала пусть каждый из вас, в двух словах, расскажет о себе. Я хочу предоставить слово тем, кто больше всех говорил на уроках...

Появляется Дана. Сидя в лаборантской, она, разумеется, слышала приветственную речь ведущего.

Д а н а. Я! Я больше всех говорила на уроках. Потому и в институт не поступила. Хотела на журфак, в результате оказалась здесь.

Д м и т р и й (*обалдев*). Что значит здесь?! Ты кто?!

Д а н а. Я – неродившийся студент.

Д м и т р и й. Бред какой-то! Что ты здесь делаешь?

Д а н а. Мою пробирки, расставляю реактивы – по одной штуке на каждую парту.

Д м и т р и й. Ты что – лаборантка?

Д а н а. Так точно! (*делает «под козырек»*).

Д м и т р и й. А почему по-военному?

Д а н а. А у нас тут, как на передовой. Все время что-то взрывается, загорается... (*достает хлопушку*). Салют в вашу честь! (*хлопает – легкий дымок*).

Д м и т р и й (*кашляет*). Спасибо, я очень тронут... (*в сторону*). Куда учителя смотрят, не понимаю...

Д а н а. Учителя в кошелек смотрят.

Д м и т р и й. Да, очень тонкое замечание... Ну, вот что. Ты иди погуляй, через полчаса начнут собираться люди, мне надо подготовиться.

Д а н а. Надо же! Вы так ответственно подходите к мероприятию...

Д м и т р и й (*вытаскивает мобильный, читает смс, улыбается*). Ну, да. Я же ведущий... Чего стоишь?

Д а н а. А давайте вместе погуляем. До помойки и обратно. Как раз получится полчаса.

Д м и т р и й. Ты что, издеваешься?

Д а н а. Ну, не хотите до помойки, давайте вокруг школы. Там листья свежие напали, так романтично... Давайте пошуршим листьями?

Д м и т р и й. Какие листья?!

Д а н а. Осенние.

Д м и т р и й. Это которые мокрые и грязные?

Д а н а. Ничего не грязные. (*пауза*). А автограф дадите? (*вынимает из кармана клочок бумаги и ручку*).

Д м и т р и й (*быстро расписывается, потом достает из кошелька деньги*).

Вот тебе тысяча, купишь мороженое. (*толкает Дану на выход*).

Д а н а. На всех?

Д м и т р и й. На себя. И не приходи сюда больше!

Дана уходит. Дмитрий идет по рядам, берет бутерброд, поднимается на кафедру, задумчиво смотрит в окно. Оживает монитор, он показывает черно-белую хронику: Дмитрий двадцать пять лет назад и девушка-старшеклассница – школьная любовь Дмитрия – едят один бутерброд на двоих, смеются. Но мы слышим только музыку... Входит Дана, монитор гаснет.

Д а н а. Вы знаете, мороженое уже кончилось, я купила себе джинсы. *(снимает свои, надевает новые).*

Д м и т р и й (давась бутербродом). Ты что, рехнулась?!

Д а н а (как бы не слыша). Я как раз хотела у вас спросить: вот лейбл – они настоящие? Это «Левис»? *(подходит к Дмитрию в трусах и футболке, Дмитрий пятится).*

Д м и т р и й. Ты совсем офонарела, какой «Левис»?! Сейчас люди придут, мне что потом доказывать, что я тебя не насильовал?! Отойди от меня! И надень эти чертовы штаны! Идиотка.

Д а н а. Какой вы грубый. По телевизору вы значительно милее. *(Дана прыгает на одной ноге, пытаясь втиснуться в новые узкие джинсы).*

Д м и т р и й. Ты мешаешь мне сосредоточиться.

Д а н а. Я ж не виновата, что сейчас мода такая – джинсы узкие... *(падает).* А-а-а!

Д м и т р и й. О, боже! Лучше бы ты купила юбку! *(поднимает ее, берет на руки, несет в лаборантскую).*

Д а н а. На юбку денег не хватило, в следующий раз...

Дмитрий возвращается, закуривает, подходит к окну. Появляется Дана в старых джинсах.

Д м и т р и й. Ты что – без примерки брала?

Д а н а. Ну, да. А где мерить-то? У нас в магазине прилавок и подсобка. Все. Можно, конечно, домой сбегать, но шире они от этого не станут. Пожалуй, завтра я их верну.

Д м и т р и й. Сегодня! Верни сегодня.

Д а н а. Вы так хотите, чтобы я ушла?

Д м и т р и й (миролюбиво). Послушай, девочка. С минуты на минуту придут мои одноклассники. С этими людьми я не виделся двадцать пять лет. Ради них я сюда приехал! И мне бы не хотелось, чтобы они подумали... *(как бы сам себе внушая).* Я слишком известный человек, понимаешь? Одним словом, если у тебя есть настроение, давай встретимся сегодня в аэропорту. Через три часа.

Д а н а. И что мы там будем делать? В аэропорту?

Д м и т р и й. Не знаю. Поболтаем, выпьем по чашке кофе.

Д а н а. И все?

Д м и т р и й. Тебе сколько лет, деточка?

Д а н а. Семнадцать.

Д м и т р и й. Тогда я тебе еще пепси-колу куплю.

Д а н а. Вы как-то несерьезно ко мне относитесь.

Д м и т р и й. Чего?!

Д а н а. Считаете меня маленькой... А, между тем, я взрослый человек, я стихи пишу. И публикуюсь в областном журнале. И побеждаю в конкурсах. А то, что на журфак не поступила, так я на следующий год поступать буду. Тем более что по ЕГЭ я прошла, я дополнительный экзамен не сдала... А в кабинете химии только потому, что у кабинета литературы лаборантской нет. Я химию ненавижу! И работаю здесь, потому что к дому близко...

Д м и т р и й. Какой-то бред.

Д а н а. Знаете, я подумала: раз уж вы все равно приехали, может, вы мне напишите рекомендацию в Союз писателей?

Д м и т р и й. Куда?!

Д а н а. В Союз писателей. Я вам стихи сейчас почитаю.

Д м и т р и й. Не надо.

Д а н а. Мне кажется, если меня примут в Союз, то на журфак МГУ тогда уж точно возьмут.

Д м и т р и й. О, ужас! Если бы ты слышала себя со стороны...

Д а н а. А что такого?

Д м и т р и й. Ты просто больная!

Д а н а. Я в Москву хочу.

Д м и т р и й. А домик в Биаррице ты не хочешь?

Д а н а. Хочу.

Д м и т р и й. Любое хотение заслужить надо.

Д а н а. Чем?

Д м и т р и й. Трудолюбием.

Д а н а. Значит, ваше трудолюбие, типа, круче моего?

Д м и т р и й. Слушай, я так от тебя устал, честно. От тебя столько шума!

Д а н а. Я не буду шуметь.

Д м и т р и й. Давай-ка, собирайся и вали отсюда.

Д а н а. Пожалуйста!

Дана уходит в лаборантскую, через несколько секунд мы слышим ее крик – она выбегает с окровавленной рукой.

Д м и т р и й. Господи, что случилось?!

Д а н а *(почти плачет)*. Я порезалась...

Д м и т р и й. Чем?! *(пытается достать носовой платок, но Дана извлекает свой)*.

Д а н а. Там, в дверях, что-то острое...

Д м и т р и й. Гвоздь?

Д а н а. Не-е-т...

Д м и т р и й. А что?

Д а н а. Инструмент...

Д м и т р и й. Какой инструмент?!

Д а н а. Полукруглый. А еще я видела там женщину...

Д м и т р и й. Какую женщину?

Д а н а. Таковую... невысокого роста.

Д м и т р и й. Кто-то из учителей?

Д а н а. Нет.

Д м и т р и й. Ты ее знаешь?

Д а н а. Не думаю.

Д м и т р и й. Так откуда она взялась?!

Д а н а. Не знаю. Может, с улицы? Она была в плаще. И еще у нее был этот инструмент... коса.

Д м и т р и й (*внимательно смотрит на Дану, трогает ее лоб*). Ты что, сдурела?! (*идет в лаборантскую, через несколько секунд возвращается*). Нет там никого!

Д а н а. Да? Ну, значит, мне показалось... Или она ушла.

Д м и т р и й. Куда?!

Д а н а. Не знаю, может, в окно...

Дмитрий на всякий случай подходит к окну, смотрит вниз.

Д м и т р и й. М-да... И давно это с тобой?

Д а н а. Что?

Д м и т р и й. Как бы так помягче выразиться... Зрительные галлюцинации. Глюки.

Д а н а. Я вас не понимаю.

Д м и т р и й. Может, ты еще голоса слышишь?

Д а н а. Чьи голоса?

Д м и т р и й. Послушай, я не знаю, что ты куришь, но, в любом случае, тебе надо с этим завязывать.

Д а н а. Ничего я не курю. И не пью, между прочим.

Д м и т р и й. Бабушке своей расскажи.

Д а н а. Причем здесь бабушка? Вы думаете, раз провинциальная девочка – значит, сразу на учете у нарколога?

Д м и т р и й (*после паузы*). Кровь идет?

Д а н а. Почти нет.

Д м и т р и й. Возьми платок (*протягивает платок*).

Д а н а. Спасибо, мне уже лучше... (*пауза*). Скажите, а это правда, что когда вас задерживают на митинге, резко возрастают продажи ваших книг?

Д м и т р и й. Что за ерунда? Кто тебе такое сказал?

Д а н а. Яндекс. Просто, когда вас задерживают, вас ведь сразу же отпускают, правда? Но СМИ успевают подхватить эту новость, потом она вывешивается в сети, и ваши книги тут же раскупают...

Д м и т р и й. У тебя богатая фантазия.

Д а н а. Это не фантазия, это жизнь. Любому писателю вашего уровня нужно, чтобы книги продавались. Иначе вы не сможете заключить договор на издание следующей книги, и не получите гонорар. А для этого надо все время быть на

виду: участвовать в шоу, митинговать на площади... Короче, постоянно подогревать внимание публики. Кстати, вы за белых, или за красных?

Д м и т р и й. Я за прекрасных. Но ты к ним не относишься. Ты мне неинтересна. Поэтому все твои попытки очаровать меня, увы, тщетны.

Д а н а. Да я и не собиралась вас очаровывать, мне что – делать нечего?

Д м и т р и й. Наверное, нечего. Вам, девушка, не мужиками увлекаться надо, а в институт поступать.

Д а н а. Увлекаться? Вами? Ну и самооценка!

Д м и т р и й. Творческому человеку лишнее кило самооценки не помешает.

Д а н а. Вы же старый! Через десять лет девушки будут давать вам только деньгами.

Д м и т р и й. А ты, оказывается, злая.

Д а н а. Зато вы – добрый. В общем, мне поручили вас опекать, я исполняю.

Д м и т р и й. Опекать меня в городе, где я родился и вырос?! Где я закончил школу? Придумай что-нибудь поумнее.

Д а н а. Не верите – спросите директора.

Д м и т р и й. О, да! Самое время директора отлавливать.

Д а н а. Как хотите.

Д м и т р и й. Слушай, шла бы ты домой...

Д а н а. Завтра допедалю.

Д м и т р и й. То есть как, завтра? Я же тебе сказал, что твое присутствие вовсе необязательно.

Д а н а. Да не волнуйтесь вы. Я уйду, потом вернусь. Когда все разойдутся.

Д м и т р и й. Ты что – собираешься здесь ночевать?!

Д а н а. Собираюсь. А что такого?

Д м и т р и й. Но... школу, наверное, сдают на сигнализацию?

Д а н а. Ну, и что?

Д м и т р и й. Ничего. На улицу не выйти и вообще...

Д а н а. Перебьюсь.

Д м и т р и й. Ну, не знаю. Остаться на ночь в кабинете химии – согласишься, это, своего рода, экстрим.

Д а н а. Лишнее кило экстрима лаборантке не помешает.

Д м и т р и й. А пирсинг бровей – это тоже экстрим?

Д а н а. Это просто красиво.

Д м и т р и й. Понятно... Ну, а как твоя рука?

Д а н а. В порядке. *(оголяет руку до локтя – никаких следов пореза).*

Д м и т р и й. Я не понял: а где порез? Или это другая рука?

Д а н а. Рука та же. Просто на мне заживает быстро. Врачи в шоке.

Д м и т р и й. Объясни, пожалуйста.

Д а н а. Вы же сказали, что я вам не интересна. Зачем вам знать?

Д м и т р и й. Как зачем? Любопытно... Я такие истории собираю. Для книжки.

Д а н а. А вы мне напишите рекомендацию в Союз?

Д м и т р и й. Нет.

Д а н а. Тогда я вам ничего не скажу.

Д м и т р и й. Хорошо, пришли стихи на мэйл, я прочитаю.

Д а н а. Вот это другое дело! Когда мне было двенадцать лет, мы с классом поехали на экскурсию в соседний район. Ехали на стареньком автобусе, с таким же стареньким водителем. На обратном пути наш водитель уснул за рулем. В результате автобус свернул на обочину и врезался в дерево. К счастью, никто не погиб, мы получили травмы – ушибы, переломы... После чего выяснилось, что мои руки-ноги зажили практически мгновенно. Видимо, я очень сильно испугалась, и теперь мой организм обладает такой сверхспособностью.

Д м и т р и й. Что-то я тебе не верю.

Д а н а. А я не верю, что вы будете читать мои стихи. Даже, если я их пришлю.

Д м и т р и й. Ты – такая юная барышня... Откуда эта подозрительность? Недоверие людям?

Д а н а. Из телевизора. *(пауза)*. Ладно. Все очень просто. Я взяла раствор тиоцианата аммония, нанесла себе на руку. Потом взяла стеклянную палочку, протерла раствором хлорида железа три. Потом провела палочкой по руке – потекла так называемая кровь.

Д м и т р и й. И все?!

Д а н а. Все.

Д м и т р и й. А как потом убрала эту, так называемую, кровь?

Д а н а. Помазала раствором фторида натрия. Он был на моем платке.

Д м и т р и й. А говорила, в химии ничего не понимаешь.

Д а н а. Я так не говорила.

Д м и т р и й. А как ты говорила?

Д а н а. Я говорила, что химию не люблю. Даже ненавижу. Это разные вещи.

Д м и т р и й. А чего ты еще не любишь?

Д а н а. Не люблю, когда врут.

Д м и т р и й. А сама не врешь?

Д а н а. Мое вранье по сравнению с тем, что вещает наше ТВ – это детские шалости.

Д м и т р и й. Это, конечно, камень в мой огород?

Д а н а. Думайте, как хотите.

Д м и т р и й. Да, забавно... А можешь показать этот фокус на мне?

Д а н а. Какой?

Д м и т р и й. Ну, этот, с порезом на руке.

Д а н а. Пожалуйста!

Дана уходит в лаборантскую, через минуту возвращается с маленькой коробочкой, в которой лежат «приблуды» для фокуса.

Д м и т р и й. Класс! Надо будет ребятам показать. Кстати, они скоро придут...

Д а н а. Оголяйте руку.

Дмитрий закатывает рукав. Дана достает бутылек со спиртом, протирает руку Дмитрия, потом свою руку, потом какую-то палочку. Затем делает настоящий надрез на своей руке и на руке Дмитрия. Идет кровь.

Д м и т р и й. А-а-а! Ты, что, совсем охренела?! Это же кровь!

Дана прикладывает свою кровоточащую руку к руке Дмитрия. Дмитрий резко ее отталкивает, хватая из коробочки вату.

Д м и т р и й. Дура ненормальная! Кретинка!

Д а н а. Вы же просили фокус.

Д м и т р и й. Ни хера себе, фокус! Какого черта, мне же больно!

Д а н а. Ну, не преувеличивайте. *(протирает ватой свою руку)*.

Д м и т р и й. Извращенка! Посудомойка несчастная! Увижу директора, расскажу, чем ты тут занимаешься!

Д а н а. Да кто вам поверит?

Д м и т р и й. Мне?! Ты что, совсем крышей съехала?! Думаешь, я это так оставлю?

Д а н а. Ничего я не думаю.

Д м и т р и й. Зачем ты это сделала?!

Д а н а. Не скажу.

Д м и т р и й. Ты просто дура! Маленькая, гадкая дрянь! А если бы у меня кровь не сворачивалась? Как у сына Николая II – слыхала про эту историю?

Д а н а. Но она же у вас сворачивается.

Д м и т р и й. А ты об этом знала?

Д а н а. Я догадывалась.

Д м и т р и й. Была бы ты мальчиком, я бы тебе в морду дал!

Д а н а. А, может, я мальчик. Вы дайте, потом разберемся.

Д м и т р и й. Слушай, чеши отсюда! Настроение ты мне уже испортила, не порти визуальную картинку!

Д а н а. Давайте забинтуем руку...

Д м и т р и й. Ага, сейчас! Не подходи ко мне! Был бы я твоим отцом, я бы тебя выпорол после таких штук! А был бы директором школы – уволил бы на фиг!

Дана уходит. Дмитрий какое-то время возится со своей рукой, потом открывает бутылку вина, закуривает. Включает монитор – он же телевизор, видит себя в студии.

Д м и т р и й в т е л е в и з о р е. Добрый вечер, дорогие друзья! С вами Дмитрий Тельцов, и наша еженедельная передача «Социальная сеть». Сегодня вы узнаете: сколько российских граждан погибло во время крушения круизного лайнера «Коста Конкордия»... Что случилось с бен Ладеном: все версии ликвидации «террориста номер один»... Триумфальный арест: каким способом задержан лидер партии «Другая Россия» Эдуард Лимонов... Правда ли, что хоккеист Варламов бил свою девушку велосипедом и топил ее в луже... Не переключайтесь!

Дмитрий выключает телевизор, смотрит на часы. Одноклассников нет... Появляется Дана.

Д а н а. Простите меня, пожалуйста. Мне очень стыдно.

Д м и т р и й (*иронически*). Что ты говоришь?

Д а н а. Я не хотела вас калечить, правда... Но вы сами предложили...

Д м и т р и й. Ага, и поэтому надо было резать по-настоящему. Тоже мне, театр «Док».

Д а н а. Я больше так не буду...

Д м и т р и й. Анекдот!

Д а н а. Не сердитесь.

Д м и т р и й. Не сердиться?! Да я взбешен!

Д а н а. Только не говорите директору, ладно?

Д м и т р и й. Что, струсила? (*смотрит на часы*). Ладно. Хочется, конечно, какого-то вознаграждения...

Д а н а. А давайте...

Д м и т р и й. ...пойдем в лаборантскую. (*приближается к Данае, небольшое затемнение*).

Д а н а. Зачем это?

Д м и т р и й. Покажешь мне, где ты ночуешь...

Д а н а. Зачем?!

Д м и т р и й (*продолжает приближаться, Дана отходит*). Вопрос-тест: ты срезаешь бантик на новых трусах и лифчике?

Д а н а. Чего?!

Д м и т р и й. Вопрос более чем конкретный.

Д а н а. Что вы хотите этим сказать?!

Д м и т р и й. Хочешь что-нибудь выпить?

Д а н а. Ага, таблетку.

Д м и т р и й. А потом?

Д а н а. Посмотреть телевизор.

Д м и т р и й. А потом?

Д а н а. Лечь спать.

Д м и т р и й. А со мной хочешь?

Д а н а. С вами?!

Д м и т р и й. Не хочешь? А зачем тогда вернулась?

Д а н а. Вернулась? (*продолжает пятиться*).

Д м и т р и й. Ну, да. Будет, что вспомнить. Подружкам расскажешь...

Д а н а (*берет со стола бутерброд, швыряет в Дмитрия*). Вы что, с ума сошли?!

Д м и т р и й. Испугалась? Да, ладно, я пошутил. (*свет зажигается, Дмитрий, как ни в чем не бывало, жует бутерброд*).

Д а н а. А у вас своеобразное чувство юмора.

Д м и т р и й. У тебя тоже.

Д а н а. Ваше вряд ли переплюнешь.

Д м и т р и й. Ты мне льстишь.

Д а н а. Давайте поговорим о чем-нибудь. Все равно никого нет.

Д м и т р и й. О чем?

Д а н а. Ну, не знаю... Например, о рекламе. Как вы к ней относитесь?
 Д м и т р и й. Положительно.
 Д а н а. Ну, это как журналист. А как человек?
 Д м и т р и й. Мне она не мешает.
 Д а н а. А вам не кажется, что ее слишком много? Что реклама скоро будет не только на спичечном коробке, но и на обгорелых спичках?
 Д м и т р и й. Если честно, меня это мало заботит.
 Д а н а. А что вас заботит?
 Д м и т р и й (*смотрит на часы*). Одноклассники опаздывают...
 Д а н а. Интересно... А, может, у вас есть любимый рекламный ролик?
 Д м и т р и й. Конечно, есть.
 Д а н а. Кто бы мог подумать...
 Д м и т р и й. У тебя слишком однозначное представление о рекламе. То, что идет по телевизору – это далеко не все. Ты когда-нибудь слышала о фестивале «Ночь пожирателей рекламы»?
 Д а н а. Нет.
 Д м и т р и й. Ну, вот. А там показывают те ролики, которые по своему художественному уровню ничуть не хуже некоторых фестивальных короткометражек.
 Д а н а. Ну, например?
 Д м и т р и й. Ты хочешь, чтобы я пересказал видео словами?
 Д а н а. А вы не умеете?
 Д м и т р и й. Попробую...

Свет приглушается, оживает монитор, идет рекламный ролик. Например, Cravendale «Cats with Thumbs», или реклама пылесоса Dirt Devil «Экзорцист».

Д а н а. Здорово. Но все это страшно далеко от народа...
 Д м и т р и й. Почему далеко? Любой человек может купить билет на фестиваль.
 Д а н а. Если он живет в Москве или Питере.
 Д м и т р и й. Неправда. Фестиваль проходит в сорока городах.
 Д а н а. Но я живу не в городе. Я живу практически в деревне...
 Д м и т р и й. У человека всегда есть выбор – где жить и с кем.
 Д а н а. Конечно. Вот я, например. Ушла от своего парня, теперь живу с его мамой.
 Д м и т р и й. Как ушла? Сейчас ушла?
 Д а н а. Нет, месяц назад.
 Д м и т р и й. Тебе там лучше?
 Д а н а. Мне там нормально. Только музыка, под которую мы трахались... В общем, теперь под эту музыку я мою полы... Смешной финал, правда?
 Д м и т р и й. Ну, что делать? Любые отношения строятся по законам от начала к финалу.
 Д а н а. Только финал бывает разным. Например, жили и умерли в один день... Но у нас так уже не получится... (*пауза*). Недавно мне приснилось, что его мать

подошла ко мне и сказала: вот, ты ушла от него – ему жизнь испортила и себе...
 А я: так, может, еще не поздно все вернуть? Поздно, – отвечает. Жизнь – элементарная геометрия, в которой есть правило: через любые две точки можно провести только одну прямую...

Д м и т р и й. Его мать – учительница геометрии?

Д а н а. Математики. Работает в нашей школе.

Д м и т р и й. А твоя мама?

Д а н а. А моя мама от алкоголизма лечится. Периодически. В течение последних пяти лет. Выйдет и больницы, через пару недель – опять туда.

Д м и т р и й. Но это же ужасно!

Д а н а. Здесь многие пьют. Все к этому привыкли.

Д м и т р и й. Двадцать лет назад такого не было.

Д а н а. Конечно. Потому что работа была, завод был.

Д м и т р и й. А что теперь?

Д а н а. Ничего.

Д м и т р и й. Но ведь люди где-то работают?

Д а н а. Вот именно, что «где-то»...

Дана подходит к столу, наливает себе вино.

Д а н а. Ладно. Не хотела я вас раньше времени расстраивать... В общем, никто сюда не придет.

Д м и т р и й. То есть как?

Д а н а. Так.

Д м и т р и й. Но, ведь там, на дверях, объявление висит...

Д а н а. Висит. Потому что я его повесила.

Д м и т р и й. Я ничего не понимаю... Если будет мало народу, для чего тогда столько закуски?

Д а н а. Вы ничего не понимаете. Будет ни мало народу, будет вообще без народа.

Д м и т р и й. Что значит, вообще?!

Д а н а. Я же вам сказала – никто не придет. Более того, кроме вас об этой встрече не знает ни один человек.

Д м и т р и й. Тогда для кого все это? (*обводит взглядом заставленные парты*).

Д а н а. Для вас. Это реквизит.

Д м и т р и й. Ты, наверное, когда падала, головой стукнулась.

Д а н а. Стукнулась. Но не головой, а ногой, когда вы меня в лаборантскую тащили.

Д м и т р и й. Может, тебя пожалеть?

Д а н а. Не стоит.

Д м и т р и й. Понятно. Значит, ничего не будет... Значит, какая-то маленькая дрянь меня развела. Опять развела!

Д а н а. Думайте, что хотите.

Д м и т р и й. Интересно. И как же ты это сделала?

Д а н а. Просыпается журналистский азарт? Легко. Я узнала ваш электронный адрес, написала письмо от имени старосты класса. Написала про встречу одноклассников, про то, что друзья ваши хотят сделать этот вечер в форме ток-шоу, а лучшего ведущего просто не найти. Конечно, я не рассчитывала на стопроцентный успех, но успех пришел. Я написала, что мы подстроимся под ваш график, и вы приехали.

Д м и т р и й. Господи, это кто ж таких зародышей на ответственную работу берет?! Да ты негодяйка! Авантюристка! Ты просто монстр! Ты хоть понимаешь, что ты натворила?!

Д а н а. Ничего особенного.

Д м и т р и й. Полный андеграунд! Я бросаю дела, друзей, лечу в эту дыру беспросветную, покупаю цветы (*швыряет букет в Дану*), прихожу сюда, и все ради того, чтобы через полчаса узнать, что какая-то малолетняя стерва решила позабавиться таким экстравагантным способом! Ну, конечно – она же не сидит на LSD, ей же надо как-то себя развлекать!

Д а н а. Я сделала это ни ради забавы.

Д м и т р и й. Да? А ради чего?!

Д а н а. Я скажу, но чуть позже. Мне надо подготовиться...

Д м и т р и й. Подготовиться?! Может, ты у нас Нина Заречная? Влюбилась в Тригорина, боишься признаться?!

Д а н а. Мы это уже обсуждали. Я сказала, что вы старый, а вы сказали, что я злая.

Д м и т р и й. Тогда что?! Я должен принять тебя в партию? Сделать моим заместителем?

Д а н а. Нет, мне это не нужно.

Д м и т р и й. Значит, ты просто психически нездорова. Такие вещи нельзя на живых людях, неужели неясно?! В современном мире полно симуляторов, компьютерных игрушек, которые моделируют разные ситуации. Если тебе чего-то не хватает, иди туда!

Д а н а. Страшно далеки вы от народа – те, которые в телевизоре. Митингуете, а жизни не знаете. Даже смешно: сытые, раскормленные, уверенные в себе выходят на площадь, и требуют у власти самоликвидироваться. А свои квартиры, свои виллы в Биаррице, вы при какой власти получили? Неужели, при советской?! Ведь, на самом деле, вам плевать на судьбы людей, на судьбы тех же одноклассников. Кстати, вы в курсе, что большая их половина уже на кладбище? А те, кто еще как-то трепыхаются – пьют или болеют. Как ваша школьная любовь – Вера Смирнова. Зачем вы приехали? Не пришла бы сюда Вера. Впрочем, может, вам это и не было важно... А что вам вообще важно? Чтобы материальчик был горяченьким и рейтинги передач зашкаливали?

Д м и т р и й. Откуда ты знаешь про Веру?

Д а н а. Да потому что она моя мать. А вы – мой отец. (*пауза*). Блин, ну не так ведь сказать хотела... (*почти шепотом*). Дура...

Дмитрий резко срывается с места, забирает куртку и сумку, уходит. Дана садится на пол, закрывает лицо руками. Звучит музыка.

Второе действие

Та же мизансцена: Дана сидит на полу. Появляется Дмитрий.

Д м и т р и й. Ну, и как я должен поступить? Зарыдать от счастья? Упасть в обморок?

Д а н а. Зачем? На такие глубокие эмоции я не рассчитываю.

Д м и т р и й. Не рассчитываешь на эмоции? А на что ты рассчитываешь? На действия? На то, что удочерю тебя в припадке отцовской нежности?

Д а н а. Нет, конечно.

Д м и т р и й. Тогда, может, ты надеешься, что я заплачу алименты? За все семнадцать лет?

Д а н а. Дело не в деньгах. Впрочем, как хотите.

Д м и т р и й. Да я никак не хочу! Позавчера одна из Новолипецка сообщила, что она моя дочь. А я в этом городе вообще ни разу не был! Не слишком ли много дочерей за неделю?

Д а н а. О ваших других дочерях мне неизвестно. Вам виднее.

Д м и т р и й. Какой-то бред!

Д а н а. Да ладно, успокойтесь. Ничего вы не должны.

Д м и т р и й. Тогда зачем ты про это говоришь? Ты ведь явно чего-то хочешь!

Д а н а. Все, что я хотела, я уже сказала.

Д м и т р и й. Какая ты мне дочь? Ты на меня даже не похожа!

Д а н а. Похожа. Характером.

Д м и т р и й. Ой, держите меня!

Д а н а. Мама говорит, что у меня бойкое перо. Это в вас.

Д м и т р и й *(передразнивая)*. Мама говорит! Нет, я, конечно, помню твою маму. Но это вовсе не означает, что она родила тебя от меня!

Д а н а. Именно от вас. Других мужиков у нее не было.

Д м и т р и й. А ты свечку держала?

Д а н а. Нет, но я в курсе.

Д м и т р и й. Ну, в общем, мне все ясно... *(пауза)*. И ты знаешь, я даже не удивляюсь. Твое существование в этом искалеченном поселке, в какой-то мере, тебя оправдывает. Я понимаю: ты хочешь выйти из этого круга, хочешь знакомства с влиятельным человеком, который может устроить твою карьеру, и, конечно, уповаешь на меня.

Д а н а. Вы неправильно меня поняли.

Д м и т р и й. Я все правильно понял. Но если ты думаешь, что моя жизнь – это клубника со сливками, ты глубоко ошибаешься.

Д а н а. Я так не думаю. Наверняка, у вас есть какие-то сложности, как у любого человека.

Д м и т р и й. Сложности?! Сложности у тебя, ты в институт не поступила.

Д а н а. Ну, допустим... А у вас?

Д м и т р и й. У меня наводнение, пожар и автокатастрофа в одном флаконе.

Д а н а. У вас семейная драма?

Д м и т р и й. Семейная драма, личная трагедия – называй, как хочешь.

Д а н а. Хм... Значит, лучшие представители масс-медиа тоже плачут?

Д м и т р и й (*иронично*). Нет, они целыми днями прыгают до потолка. (*пауза*).

Да, я вполне успешный человек, как правильно ты тут съязвила. Но ты ведь даже не догадываешься, каких трудов мне это стоит.

Д а н а. Материальных?

Д м и т р и й. И это тоже.

Д а н а. Какие-то проблемы с женой?

Д м и т р и й. Выражаясь цензурно, да. Полный караул, который, к сожалению, в мешке не утаишь.

Д а н а. Как же вы живете с этим караулом?

Д м и т р и й. Уже никак. Мы в разводе, но я ей помогаю.

Д а н а. Как благородно! Что же случилось? Давайте, я угадаю. У нее появился любовник?

Д м и т р и й. Нет.

Д а н а. Тогда у вас появилась любовница? И, как это принято в богемных кругах, моложе лет на двадцать...

Д м и т р и й. Слишком стандартно мыслишь.

Д а н а. Хм... Может, у нее появилась любовница?

Д м и т р и й. Опять мимо.

Д а н а. Тогда что?

Д м и т р и й. Больше вариантов нет?

Д а н а. Есть. Но, скорее всего, не про вас.

Д м и т р и й. Я тоже так думаю.

Д а н а. Расскажите?

Д м и т р и й. Я расскажу, а ты завтра в своем в твиттере напишешь?

Д а н а. Нет у меня никакого твиттера.

Д м и т р и й. Ладно, не важно... И так все знают... То, что происходит у меня, отчасти копирует твою ситуацию с матерью. Так что можешь позлорадствовать.

Д а н а. Ваша жена пьет?

Д м и т р и й. К сожалению. Помнишь, как у Довлатова: он пил каждый день, а иногда у него случались запои. Вот и у нас так же. Ежедневные возлияния, бесконечное вранье, перепрыгивание чекушек, психоз на ровном месте. А когда не хватает денег на выпивку, она продает вещи.

Д а н а. Вещи? Какие?

Д м и т р и й. Картины, украшения... Не важно. Некоторые могут так жить, я не могу.

Д а н а. Понятно. Ваша жена художница?

Д м и т р и й. Да.

Д а н а. А до вас она была женой какого-то крупного бизнесмена?

Д м и т р и й. Ну, и что?

Д а н а. Он еще остров купил...

Д м и т р и й. Может быть.

Д а н а. Круто! А моя мать штамповщица. Чувствуете разницу? Ваша жена начала пить, потому что с жиру бесилась – банкеты, фуршеты, коктейльные платья... Премьеры в Париже, презентации в Риме... Легла в три, встала в обед... Весело! А моя мать – потому что работа каторжная, потому что одна свою дочь растила. Потому что мальчик ее любимый в Москву свинтил. Сказал на пару дней. Она провожала, плакала... А потом прошла неделя, две, месяц... Хоть бы мякнул, что жив-здоров. Куда там! Он же аспирантуру тогда заканчивал, ему не до беременной девочки было. А потом у девочки родилась своя девочка, и они только по телевизору мальчика видели.

Д м и т р и й. Пытаешься разбудить во мне чувство вины?

Д а н а. Ни в коем случае!

Д м и т р и й. Слушай, а почему я должен тебе верить? За эти сорок пять минут ты обманула меня трижды!

Д а н а. А я и не рассчитываю, что вы поверите. Вы сами себе-то не верите.

Д м и т р и й. Это ж надо, а! Прилететь из Москвы в родной город, чтобы узнать, что ты полное чмо. И от кого?! От лаборантки средней школы! Все! Эфирное время закончилось!

Дмитрий берет куртку и сумку, идет на выход. Через несколько секунд возвращается.

Д м и т р и й. Что это за шутки?

Д а н а. Какие шутки?

Д м и т р и й. Немедленно открой дверь!

Д а н а. Какую дверь?

Д м и т р и й. Входную!

Д а н а. Она открыта.

Д м и т р и й. Открыта? Ну, походи открой!

Дана на мгновение исчезает в кулисе, потом возвращается.

Д а н а (удивленно). Закрыто... Но я не закрывала, честное слово!

Д м и т р и й. Твое честное слово не стоит перегоревшей лампочки!

Д а н а. Не кричите на меня!

Д м и т р и й. Давай ключи!

Дана идет в лаборантскую, возвращается.

Д а н а. Их нет.

Д м и т р и й. Мне самому поискать?

Д а н а. Там такой бардак... Вряд ли у вас получится.

Д м и т р и й. Ничего, я справлюсь.

Дмитрий уходит в лаборантскую, мы слышим жуткий грохот падающих предметов.

Д а н а. Дмитрий Олегович, вы живы? *(бросается навстречу Дмитрию, входящему с веревкой на шее).*

Д м и т р и й. Я тебя ненавижу!

Д а н а. Господи, чем мне поклясться, что не закрывала я эту чертову дверь?! Ну, хотите здоровьем мамы поклянусь?!

Д м и т р и й. Не надо. Твоей маме здоровье еще понадобится.

Д а н а. И все-таки, я клянусь!

Д м и т р и й. Клянется она! Тогда как ты объяснишь, что дверь закрыта, а ключей нет?

Д а н а. Не знаю... Дверь могла закрыть уборщица. Уроки кончились, она и закрыла.

Д м и т р и й. Но голоса наши она не могла не услышать? Наверное, сначала зашла бы посмотреть, кто здесь?

Д а н а. Она глухая.

Д м и т р и й. Что – совсем?

Д а н а. Совсем. Работала на заводе, там и оглохла.

Д м и т р и й. Понятно... Ну, а твои-то ключи где?

Д а н а. Я их в лаборантской на вешалке оставляю...

Д м и т р и й. Всегда?

Д а н а. Всегда.

Д м и т р и й. И кто же их унес? Глухая уборщица?

Д а н а. Нет, конечно.

Д м и т р и й. Тогда где они?

Д а н а. Не знаю.

Д м и т р и й. Ладно. *(подходит к окну, смотрит вниз).*

Д а н а. Вы хотите...

Д м и т р и й. А что – есть другие варианты?

Д а н а. Можно дождаться девяти утра... Придет училка, откроет дверь.

Д м и т р и й. Очень остроумно! У меня самолет через час.

Д а н а. Но вы можете лететь на следующем...

Д м и т р и й. Завтра из вашей степи самолетов нет.

Д а н а. Эта степь и ваша тоже.

Дмитрий надевает куртку, набрасывает сумку через плечо, открывает окно, встает на подоконник. Звучит музыка. Постояв минуту, спускается, закрывает окно.

Д а н а. Страшно?

Д м и т р и й. Страшно. Но с тобой страшнее.

Д а н а. Не демонизируйте мою личность.

Д м и т р и й. Любой демон, по сравнению с тобой, первоклассник.

Д а н а. Вы мне льстите.

Д м и т р и й *(наливает вино)*. Вот сейчас напьюсь и прыгну. А что – второй этаж, пьяному ничего не будет. Там клумба.

Д а н а (*отнимает у Дмитрия бутылку*). Это же самоубийство!

Д м и т р и й. Тебе-то что? Ты же меня ненавидишь. Я для тебя отец в отставке.

Д а н а. Кто вам сказал, что я вас ненавижу?

Д м и т р и й. Ты! Всем своим поведением пытаешься меня доконать.

Д а н а. Это неправда.

Д м и т р и й. Это правда. С таким отношением к людям, тебе трудно будет жить.

Д а н а. Труднее, чем сейчас, уже вряд ли.

Д м и т р и й. Не очень-то ты похожа на бедную-несчастную. Что происходит: война, эпидемия?

Д а н а. Нет. Но вам все равно не понять.

Д м и т р и й. Может, зарплату не платят?

Д а н а. Платят. Перечисляют на карточку.

Д м и т р и й. Вот видишь! И до деревни прогресс дошел.

Д а н а. Ага. Только ближайший банкомат за десять километров.

Д м и т р и й. Фигурально выражаясь?

Д а н а. Почему? В буквальном смысле.

Д м и т р и й. Ерунда какая-то.

Д а н а. Это не ерунда. Про нашу ситуацию даже в газете писали.

Д м и т р и й. Что – серьезно?!

Д а н а. Абсолютно.

Д м и т р и й. И как же ты туда добираться? За десять километров?

Д а н а. Летом на велике, зимой на лыжах.

Д м и т р и й. А остальные?

Д а н а. По-разному. Кто на автобусе, кто на машине.

Д м и т р и й. Класс! Вот это я понимаю! Большой стиль называется. Ордена Ленина государственный академический театр абсурда. Веселая у нас страна!

Д а н а. Особенно со стороны.

Д м и т р и й. Господи, только бы вырваться отсюда! Из этого убогого поселка, из этой чертовой школы, которую я буду ненавидеть еще больше!

Д а н а. А мне казалось, вы любили школу...

Д м и т р и й. Никогда! Отвратительное заведение! И шторы эти пыльные – за двадцать лет ни разу не стиранные!

Д а н а. Не расстраивайтесь, мы обязательно выберемся.

Д м и т р и й. Конечно. Вопрос – когда? Тебе-то и впрямь беспокоиться не о чем: ты здесь ночуешь. И, судя по всему, не первый раз.

Д а н а. Третий. Постепенно вхожу во вкус. Для меня это, как ночной клуб. Только танцевать не с кем.

Дана выходит на середину класса, танцует. Звучит музыка. Дмитрий вынимает из кармана телефон, набирает номер. Ему не отвечают. Тогда он отправляет смс.

Д м и т р и й. Ничего, найдешь. Ты проворная.

Д а н а. Это я с вами такая. А вообще, я очень стеснительная. Даже трусливая.

Д м и т р и й. Ты?!

Д а н а. Не верите?

Д м и т р и й. Не знаю, не знаю...

Д а н а. А вот представьте! Я все время чего-то боюсь.

Д м и т р и й. Например?

Д а н а. Вы будете смеяться.

Д м и т р и й. Не буду.

Д а н а. Ну, хорошо... Вот я выбираю в магазине какую-то вещь. Долго выбираю. Потом покупаю. Расплачиваюсь – и бегом. Потому что боюсь, что продавец передумает ее продавать, догонит и заставит вернуть. И, может быть, даже не отдаст мои деньги... Или, например, в столовой. Заказываю много еды. Потом не доедаю. Встаю из-за стола, собираюсь уходить. И в этот самый момент мне всегда кажется, что сейчас подойдет официант, прижмет меня к стенке, и заставит съесть! Я очень этого боюсь, правда!

Д м и т р и й. Да, тяжелый случай...

Д а н а. А еще я очень сентиментальная.

Д м и т р и й. И как это проявляется?

Д а н а. По-разному.

Д м и т р и й. Например?

Д а н а. Ну, например, некоторые визуальные эффекты вызывают у меня слезы.

Д м и т р и й. Визуальные эффекты? Это какие?

Д а н а. Салют, например. Или рекламные ролики.

Д м и т р и й. Какие ролики?

Д а н а. Ну, когда какой-нибудь творожок рекламируют. Или кошачий корм. Или когда какой-нибудь депутат про детей-сирот рассказывает...

Д м и т р и й. Ну, ты даешь! А над рекламными проспектами не рыдаешь? Над магазинными вывесками?

Д а н а. Если там бездомные животные, рыдаю.

Д м и т р и й. Порыдай надо мной. Я тоже бездомный в эту ночь.

Д а н а. Ничего подобного! У вас есть крыша над головой и еда. Я принесу матрас из лаборантской, мы сдвинем парты, и вы отлично отдохнете.

Дана уходит в лаборантскую, возвращается с матрасом. Дмитрий сдвигает парты, укладывает матрас, ложится. Дана зажигает спиртовку, свет на сцене чуть приглушается.

Д м и т р и й. А ты на чем спать будешь?

Д а н а. На раскладушке. Я всегда на ней сплю.

Д м и т р и й. Здесь или вообще?

Д а н а. Везде. И здесь, и дома.

Д м и т р и й. Не жестко?

Д а н а. Нормально, я привыкла.

Д м и т р и й (задумчиво). Привыкла... Привычка рождает потребность...

Д а н а. Это вы о чем?

Д м и т р и й. О себе. О своих привычках, порядках, рутине...

Д а н а. Интересно. А рутина – это что?

Д м и т р и й. Работа, в каком-то смысле.

Д а н а. Ваша работа? Но ведь там столько внезапного, неожиданного... Встречи, люди, ситуации... Это ведь не конвейер на фабрике.

Д м и т р и й. А чем конвейер на фабрике хуже?

Д а н а. Ну, вы даете!

Д м и т р и й. Ты просто много не понимаешь. Пока. В однообразии есть элемент медитации. А в буднях журналиста нет ничего, кроме суеты.

Д а н а. Вам не хватает времени на размышление?

Д м и т р и й. Мне не хватает времени на себя. Ты знаешь, я ведь тоже пью. Нет, не алкоголь, конечно. Я пью эту самую работу. Каждый день, почти без выходных. Чтобы забыться, чтобы ничего не видеть... Вот и получается, что я, представитель самой свободной профессии – самый несвободный человек...

Д а н а. Вы что – совсем не отдыхаете?

Д м и т р и й. Отдыхаю. Но привычка работать так велика, что удовольствия все равно не получается.

Д а н а. А где вы обычно отдыхаете? На даче?

Д м и т р и й. В Европе. Зимой в Италии, летом во Франции.

Д а н а. Круто! А я дома.

Д м и т р и й (*вздыхая, как бы не слыша*). Дома... Хорошо тебе, ты дома... А меня в Москве ждут. Очень ждут.

Д а н а. Не завидуйте. Я дома, но мое отсутствие в квартире никто не замечает.

Д м и т р и й. А мать твоего парня?

Д а н а. Не знаю. Мы в хороших отношениях, но у нее своя жизнь.

Д м и т р и й. И все-таки: почему ты с ней живешь?

Д а н а. Она готовит самые лучшие котлеты в мире.

Д м и т р и й. Оригинально. У тебя есть братья или сестры?

Д а н а. Нет. А у вас?

Д м и т р и й. Тоже нет. (*пауза*). У меня есть дочь. Вернее, была...

Д а н а. Почему была?

Д м и т р и й. Потому что... Потому что она погибла.

Д а н а. Давно?

Д м и т р и й. Два года назад. Случайная, нелепая смерть. Гуляла по крыше. Одна. И никто не смог ей помочь...

Д а н а. Я вам сочувствую...

Д м и т р и й. Спасибо.

Д а н а. А чем занималась ваша дочь?

Д м и т р и й. Училась в школе.

Д а н а. Значит, она была младше меня?

Д м и т р и й. Не намного.

Д а н а. А как ее звали?

Д м и т р и й. Вика. Виктория... Знаешь, я ведь вначале совсем не хотел ни жены, ни детей... Все это выглядело так уныло, особенно на примере моих друзей. Более того, я всерьез подумывал, что к старости, когда разбогатею, найму актеров, и они будут играть мою семью.

Д а н а. Забавно... А потом?

Д м и т р и й. А потом появилась она. Художница. Хрупкое личико в тонких очках без оправы, изящная фигурка в маленьком фиолетовом платье... Это было открытие выставки нашего общего друга. И – мое личное открытие! Открытие девушки с мольбертом... В ее невесомой руке дымилась сигарета, а на безымянном пальце «тусклое кольцо внезапно преломляло двести ватт». Красиво, правда? Это Бродский. В общем, как только я понял, что эта женщина дана мне свыше, мне тут же позвонили и вызвали на передачу. А мне так не хотелось уходить! Я спросил номер ее телефона, но рядом не оказалось ни одного клочка бумаги. Тогда она вытащила стельку из туфельки – боже мой, этой Золушке были велики туфли тридцать шестого размера! – и написала телефон прямо на ней, на стельке. Так мы познакомились.

Д а н а. Как романтично! А потом?

Д м и т р и й. Потом она развелась со своим мужем, мы стали жить вместе, у нас родилась Вика. Такой же тоненький стебелек, как ее мама...

Д а н а. А потом?

Д м и т р и й. Потом моя жена увлеклась востоком. Вернее, Гоа. Однажды она сообщила, что уезжает туда на месяц, вместе со своей подругой. Писать Индийские пейзажи и заниматься йогой. Ты знаешь, что такое Гоа?

Д а н а. Так, в общих чертах...

Д м и т р и й. В семидесятых там собирались хиппи. Собственно, с тех пор мало что изменилось. Сегодня туда едут дауншифтеры, недовольные повседневной суетой в мегаполисах. Люди, которые хотят уйти от проблем, ни за что не отвечать, и не иметь долгов перед обществом. Они хотят наслаждаться жизнью, потому что на Гоа можно курить марихуану и глотать экстази прямо на пляже... И у меня такое ощущение, что моя жена все это попробовала.

Д а н а. Круто! А что было, когда она вернулась?

Д м и т р и й. А когда она вернулась, она стала пить. А, может, продолжила начатое в Индии.

Д а н а. Вам очень тяжело?

Д м и т р и й. Что?

Д а н а. Вспоминать все это, рассказывать...

Д м и т р и й. Не знаю. Мне горько, что все завершилось так, по-дурацки... Что уже никогда не будет, как раньше. Ни любви, ни счастья. Даже простого очарования и легкого флирта уже не будет. Это страшное слово «никогда».

Д а н а. Мне кажется, я вас понимаю.

Д м и т р и й. Нет. Ты поймешь меня лет через двадцать. А пока – увы...

Д а н а. А как же Вика?

Д м и т р и й. Вика? Она жила у бабушки. Если честно, мне некогда было ею заниматься... А жена все чаще пила, и навещала Вику в промежутках между запоями.

Д а н а. У Вики были какие-нибудь таланты?

Д м и т р и й. Конечно. Она была очень одаренной девочкой. Рисовала, писала стихи, играла на скрипке... Ты на чем-нибудь играешь?

Д а н а. Нет. Вернее, я играю на гитаре... Но это так, для себя...

Д м и т р и й. А гитара есть?

Д а н а. Есть.

Д м и т р и й. Сыграешь?

Д а н а. Попробую...

Дана уходит в лаборантскую, возвращается с гитарой. Садится, поет. Потом подходит к спиртовке, выливает содержимое в пластиковый стаканчик, выпивает.

Д а н а. Ну, вот... Как-то так примерно...

Д м и т р и й. Очень неплохо. Конечно, надо заниматься... Но для самоучки вполне достойно.

Д а н а. Спасибо... *(пауза)*. А вы на чем-нибудь играете?

Д м и т р и й. Нет.

Д а н а. Поете?

Д м и т р и й. И не пою. У меня нет голоса.

Д а н а. Говорят, его можно развить...

Д м и т р и й. Ага. Или пересадить.

Д а н а. Как это?

Д м и т р и й. Обыкновенно. Ты разве не слышала про пересадку органов?

Д а н а. Слышала. Но голос – вроде, не орган...

Д м и т р и й. Ну, и что. Сейчас такие технологии...

Д а н а. Совсем меня за дурочку держите, да?

Д м и т р и й. Ничего подобного. Голос, имя и возраст можно пересадить от одного человека другому.

Д а н а. Ага, как же!

Д м и т р и й. Не веришь – твое дело.

Д а н а. А совесть пересадить можно?

Д м и т р и й. Вот это сложнее.

Д а н а. Почему?

Д м и т р и й. Для каждого субъекта – это весьма индивидуальная субстанция.

Д а н а. Жаль. Я могла бы стать неплохим донором. Для вас, например.

Д м и т р и й. Боюсь, что мы с тобой несовместимы.

Д а н а. Очень даже совместимы.

Д м и т р и й. Если мне понадобится лишнее кило совести, я обращусь к моим друзьям.

Д а н а. К таким же обеспеченным и успешным? Которые видят жизнь из окна своих «Лексусов»?

Д м и т р и й. По-твоему, мои друзья должны быть бомжами?

Д а н а. Нет. Обыкновенными людьми.

Д м и т р и й. Слушай, хватит меня воспитывать! Кто ты вообще такая?

Д а н а. Я уже представлялась.

Д м и т р и й. Моей дочурой?! Баян!

Д а н а. Какой баян?

Д м и т р и й. Интернет-мем такой. Старая, затрепанная шутка, или просто банальность. Хочешь быть журналисткой, а не знаешь таких вещей.

Д а н а. Я уже не уверена, что хочу быть журналисткой.

Д м и т р и й. Да? А в Союз писателей еще не передумала?

Д а н а. Не знаю.

Д м и т р и й. А ты вступай! (*иронично*). Это же такие перспективы!

Д а н а. Перспективы?

Д м и т р и й. А как же! Будешь членские взносы платить. В Москву на собрания ездить. Знаешь, я все-таки напишу тебе рекомендацию!

Дмитрий открывает сумку, достает лист бумаги, ручку. Пишет. Дана слоняется между партами, потом включает телевизор. На экране новости.

Г о л о с д и к т о р а. Здравствуйте! В эфире специальный выпуск программы «Вести». В студии Ольга Елагина. В Москве совершен крупный теракт. Мощный взрыв прогремел сегодня в столичном метро. Это произошло в 8:50 утра в вагоне электропоезда на перегоне «Автозаводская – Павелецкая». По информации на эту минуту, тридцать человек погибло и около ста ранены. Сразу после взрыва возник мощный пожар, которому была присвоена пятая – высшая – категория сложности. К настоящему времени пожар потушен. Все пассажиры эвакуированы, основная часть пострадавших госпитализирована в 13-ую городскую больницу. Среди получивших наиболее тяжкие травмы – жена известного журналиста Дмитрия Тельцова. По информации правоохранительных органов, взрыв совершил террорист-смертник. Мощность взрыва составляла примерно пять килограмм в тротиловом эквиваленте. Полиция проверяет станции метро и другие места скопления людей, чтобы не допустить новой трагедии. Президент Российской Федерации отменил поездку на Украину. В эти минуты в Кремле началось экстренное заседание правительства, на котором политики выслушают доклады спецслужб о ситуации в московской подземке.

Дана выключает телевизор, в онемении смотрит на Дмитрия. У Дмитрия из рук выпадает листок.

Д м и т р и й. Что?! Что она сказала?

Д а н а. В метро бомбу взорвали.

Д м и т р и й. А кто ранен? Кто? Моя жена?!

Д а н а. Нет, она оговорилась.

Д м и т р и й. Она не могла. Это же Оля. Она никогда не оговаривается.

Д а н а. Это ошибка. Ей принесли неверные данные, она прочла...

Д м и т р и й. Это не ошибка.

Д а н а. Еще ничего неизвестно, могли что-то перепутать...

Д м и т р и й. Я прекрасно знаю, что такое новостная передача. Никто ничего не перепутал... (*пауза*). Я должен быть в Москве! Сегодня! Прямо сейчас! Слышишь?!

Д а н а. Конечно...

Д м и т р и й. Я могу успеть на самолет!

Д а н а. Да, еще есть время.

Д м и т р и й. О, Господи! Если бы не твоя липовая встреча одноклассников, я был бы сейчас дома! И она бы не села в это чертово метро! Понимаешь?! Я вызвал бы ей такси!

Д а н а. Я понимаю.

Д м и т р и й. Ни хрена ты не понимаешь! У тебя нет мозгов, чтобы понять!

Дмитрий подходит к окну, срывает занавески, связывает.

Д а н а. Что вы делаете?

Д м и т р и й (*привязывая один конец к батарее*). Собираюсь вырваться из этого ада, который ты тут устроила.

Д а н а. Подождите! Я хочу сказать...

Д м и т р и й. Я больше не собираюсь тебя слушать.

Д а н а. Но это важно!

Д м и т р и й. Заткнись! Тупая коза.

Д а н а (*бросается к Дмитрию*). Дмитрий Олегович!

Дмитрий набрасывает на Дану занавеску, начинает ее душить. Дана кричит.

Д м и т р и й. Ори громче! Может, глухая уборщица дверь откроет.

Д а н а. А-а-а! Не надо! Умоляю! Пожалуйста!

Д м и т р и й. Плохо слышно!

Д а н а. А-а-а! Отпустите меня!

Д м и т р и й. Я не понимаю, о чем ты.

Д а н а. А-а-а! Я знаю, где ключи... А-а-а!

Д м и т р и й. Нашлись? Надо же! (*освобождает Дану*).

Д а н а (*вытаскивает ключи из кармана*). Возьмите...

Д м и т р и й (*берет ключи*). Какая же ты, все-таки, мерзавка!

Д а н а. Я хотела сказать про ключи, но вы мне не дали!

Д м и т р и й. Ты хотела сказать какую-нибудь очередную ложь. Очередную хрень! Я тебе не верю.

Д а н а. Нет! Я хотела сказать, что я их не прятала. Я нашла их случайно, на полу.

Д м и т р и й. Тебе лечиться надо. Твоя болезнь называется мифомания. Погугли в интернете.

Дмитрий надевает куртку, забирает сумку, быстро уходит. Чуть помедлив, Дана бросается за ним в кулису.

Д а н а (*барабанит в дверь, слышны звуки*). Откройте дверь! Пожалуйста! Зачем вы меня закрыли?!

Дана возвращается, некоторое время бродит по классу. В какой-то момент находит лежащий на полу листок.

Д а н а. Рекомендация в Союз писателей России. Я, Дмитрий Тельцов, рекомендую в Союз писателей весьма экстравагантного и своеобразного сочинителя (Ф.И.О.). Фантастическая псевдомания этой девушки уже известна в узких кругах. Ф.И.О. последние сорок пять минут активно и плодотворно работает в жанре документального фейка, мастерски владеет ситуацией, и может использовать ее в своих целях. Ее творчеству присущ своеобразный юмор с элементами мистификации...

Дана садится на пол, плачет. Звучит музыка, постепенно она становится громче. Дана встает, подходит к сорванным занавескам, привязывает один конец к батарее, второй выбрасывает в окно. Залезает на подоконник, начинает спускаться вниз...

Занавес